

НАЙО МАРШ

Найо Марш (1895–1982) –
ярчайшая звезда «золотого века»
английского детектива,
автор 32 романов и множества пьес.
Ее имя стоит в одном ряду с такими
признанными классиками жанра,
как Агата Кристи и Дороти Л. Сэйерс.
За свои литературные достижения
она была удостоена звания дамы-
командора ордена Британской
империи.

👉 NGAIO 👈
MARSH

DEAD WATER

НАЙО
МАРШ

.....

МЕРТВАЯ ВОДА

.....

Издательство АСТ
Москва

*Алистеру и Дорис Макинтош —
с любовью*

Глава 1

НАЧАЛО

I

Мальчик карабкался вверх по склону, полуослепнув от слез. Упал, всхлипывая и задыхаясь от рыданий, затем поднялся и на ощупь полез дальше. С неба светило солнце и заливался жаворонок. Где-то на вершине холма журчал источник. Снизу, от пристани, в спину все еще летели слова дразнилки:

Бородавочник Уолтер,
Сунь ты ручки-ножки в воду.
Бородавки ты свои
В грязной луже помочи.

Родник был почти на самом верху — бил ключом, перетекал через край заполненного углубления маленьким водопадом, потом нырял в камни и заросли орляка и наконец, хлопотливо бурля, закручивался воронкой и уходил куда-то под землю. Там, где он начинался, стоял большой

валун, окруженный колючками и папоротником, а выше виднелась только кромка холма и над ней яркое солнце в голубом небе.

Мальчик опустил на корточки, хватая ртом воздух. Ноги гудели, в груди колело. В бешенстве ударив ладонями о землю, он взглянул на них. И впрямь «бородавочник». Наросты гроздьями облепляли его пальцы, как те черные штуки на подпорках деревянных мостков. Два кровоточили — задел обо что-то. Из-за бородавок остальным детям велели держаться от него подальше...

Уолтер сунул ладони под каскад струй. Холод обжигал и кусал; вскоре руки онемели, но мальчик продолжал держать их в воде, решительно сощурив припухшие от слез глаза. Ледяная влага текла по предплечьям и выше, попадая в лицо.

— Не плачь.

Мальчик открыл глаза: перед ним, заслонив солнце, стояла она — высокая, выше валуна, окруженная каким-то зеленоватым сиянием, из-за чего ее нельзя было толком разглядеть.

— Почему ты плачешь?

Уолтер набычился, глядя исподлобья, словно зверек, готовый сорваться с места и броситься прочь. Затем передумал и громко и протяжно всхлипнул, продолжая держать ладони в воде.

— Что случилось? Тебе больно?

— 'уки...

— Что с ними? Покажи мне.

Он помотал головой, не поднимая глаз.

— Они г'язные.

— Вода смое т грязь.

— Не-е, не смое-ет.

— Покажи.

Он наконец повинувался. Кожа на пальцах сморщилась и побелела, как брюхо дохлой рыбыны, но гроздь бородавок никуда не делись. Мальчик заревел в голос, глотая соленую влагу, текущую из глаз и носа. Снизу все еще чуть слышно доносилось: «Бородавки ты свои / В грязной луже помочи», но уже без прежнего задора. Потом кто-то крикнул: «Ой, да пошли уже», и голоса стихли. Уолтер вытянул свои позорные ладони, показывая их женщине.

— Подставь их снова под воду. — Ее голос смешивался с журчанием родника. — Если будешь верить, они очистятся.

— А?

— Станут чистыми. Скажи это вслух: «Прошу, забери мои бородавки». Закрой глаза и повтори за мной. И сделай это еще раз, когда будешь ложиться спать. Только не забудь. Ну же!

Шум воды вдруг сделался очень громким, перед зажмуренными глазами мальчика поплыли разноцветные пятна. Его собственный голос звучал как будто издалека. Потом все прекратилось, только ледяные брызги от падающей на камни воды летели в лицо. Когда Уолтер поднял голову, никто уже не стоял перед ним, заслоняя солнце.

Он так и сидел там, обсыхая и ни о чем не думая, пока сияющий диск не скрылся за холмом. Стало холодно, и мальчик спустился обратно к своему дому на берегу.

II

Настал следующий день, а происшествие с Уолли Трехерном не произвело на острове практически никакого эффекта. Родители мальчика были не из жаворонков, и если отца извиняло то обстоятельство, что ночью он рыбачил, то все оправдания матери скрывались на дне бутылки джина. Словом, семья не принадлежала к числу уважаемых.

Уолли, спавший не раздеваясь, поднялся как обычно и вышел к колонке умыться. Новой учительнице каким-то образом удалось внушить ему необходимость этой процедуры, и он следовал ей машинально, как хорошо выдрессированное животное. Еще не совсем проснувшись, он вдруг увидел, что произошло с его руками.

Никто не знает, как работает мозг ребенка, особенно такого, как Уолли Трехерн, мыслительные процессы которого текли так вяло, что были скорее отражением простейших эмоций — удовольствия, страха или гордости. Кажется, он испытывал последнее чувство, когда перед всей школой несмело приблизился к учительнице и продемонстрировал ей свои ладони.

— Боже мой! Боже мой, Уолли!

Она взяла его руки в свои и ощупала, не веря своим глазам.

— Этого просто не может быть! Невозможно!

— Больше не г'язные. Все п'ошло! — И мальчик залился счастливым смехом.

Школа находилась на материке, но новость о пропавших бородавках Уолли Трехерна вместе с ним самим и его учительницей добралась и до острова. Впрочем, «остров» — это громко сказано. На деле он представлял собой просто каменистый клочок суши на конце короткой, узкой и низкой дамбы, полностью исчезавшей под водой во время прилива или волнения на море. Тем не менее поселившиеся там люди считались совершенно отдельным сообществом, как будто столетия приливов и отливов размыли всякую связь между частями рыбацкой деревушки Порткарроу. Между «островитянами» и «деревенскими» пролегала четкая грань, хотя, в сущности, никаких различий между ними не было.

Учительницу Уолли звали мисс Дженни Уильямс. Молодая новозеландка, она училась в магистратуре и согласилась на эту временную работу ради опыта и прибавки к стипендии. Девушка квартировала на острове, в маленьком пабе, построенном три с половиной века назад, и в письмах домой восторженно отзывалась обо всех протекающих из этого обстоятельства неудобствах.

С сияющим лицом, каштаново-рыжая, она выглядела сейчас, стремительно шагая по дамбе, просто потрясающе. Эффекта добавлял ветер — волосы девушки развевались, а летнее платье облепляло фигуру с откровенной безыскусностью сорочки. Позади бежал, спотыкаясь и пытаясь не отстать, бедняга Уолли, время от времени издававший жалобный крик, очень похожий на чайный.

На острове учительница сказала мальчику, что хотела бы поговорить с его матерью. Свернув у пристани направо, они обогнули косу и вышли к Рыбачьей бухте. Семейство Трехерн обитало в наименее приглядном из стоявших там домишек. Дженни неприятно поразило амбре, что источала миссис Трехерн, сидевшая на крылечке и невнятно мычавшая.

— Наклюкалась, — пояснил мальчик, хотя это было и так очевидно.

— Уолли, будь добр, найди мне какую-нибудь красивую ракушку, — откликнулась Дженни. — Розовую.

Просьбу пришлось повторить, медленно и терпеливо. Мать внезапно заорала, чтобы мальчишка тут же взялся за дело, а не то она с него шкуру спустит. В конце концов, втянув голову, Уолли побрел к берегу и вскоре исчез за лодкой.

— Миссис Трехерн, — заговорила Дженни, волнуясь, — надеюсь, вы не против моего визита? Я просто ужасно обрадовалась за Уолли и... и очень хотела бы узнать, как все случилось. В смысле — словно по волшебству, буквально за одну ночь. То есть, ну... это же... ведь так, правда?

Мать Уолли, широко улыбаясь, энергично кивнула и спросила, не желает ли учительница «глоток чего-нибудь».

— Нет, благодарю вас. — Дженни подождала, потом осторожно спросила: — Миссис Трехерн, вы заметили? Руки вашего сына? Вы их видели?

— А то. С ним бывает, с нашим Уолли. — С трудом и не сразу поднявшись, миссис Трехерн повер-

нулась к двери. — Пшли, — не терпящим возражений тоном пригласила она. — Давай, заходь.

По счастью, чаша сия миновала Дженни — появился мистер Трехерн. Он тяжело шел вверх от берега, где, видимо, сидел за лодкой. Следом в нескольких шагах плелся Уолли.

Мистер Трехерн был темноволосым, полным человеком с выцветшими глазами и вялым ртом. Держался всегда недоверчиво, но на рожон не лез. Занимался он тем, что предлагал внаем лодку и собственные услуги приезжим, рыбачил и подрабатывал по мелочам в деревне и на острове.

Выдавив неопределенную улыбочку, мистер Трехерн выразил надежду, что гостья находится в добром здравии в этот «необыкновенно чудесный денек». Дженни сразу свернула разговор на исчезнувшие бородавки Уолли. Выяснилось, что отец узнал о произошедшем только что, когда мальчик показал ему свои руки.

— Разве не здорово, мистер Трехерн?

— Потрясающе, — согласился тот без особого энтузиазма.

— Вы не знаете, когда именно это случилось? Вчера вечером, после школы? Или позже? И так внезапно! Я хочу сказать, его ладони — они были в таком состоянии... Я его спрашивала, конечно, — он говорит о какой-то... какой-то женщине. И что вымыл руки в источнике на холме. Простите, что докучаю вам, но я просто обязана все разузнать!

Мистер Трехерн явно считал, что она поднимает слишком много шума из-за пустяка, однако

в его взгляде читалось и затаенное внимание к девушке самого неприятного свойства. Налетевший некстати порыв ветра вцепился в ее платье, которое она попыталась зажать между коленями, и мужчина распялил губы в ухмылке. Из дома меж тем неверной походкой направлялась к ним миссис Трехерн.

— Хотя, впрочем, и ладно, — быстро проговорила Дженни. — Главное, что их больше нет, правда? Не буду вас задерживать. Доброго вечера.

Миссис Трехерн, издав неопределенный звук, протянула вперед сжатую руку.

— П'кеда, — пробормотала она и раскрыла ладонь. Каскад мягких черных чешуек осыпался на ступеньку. — Эт' вот нашего Уолли. В койке у его были.

— Все до одной отвалились, — добавил мальчик, вернувшийся от кромки берега.

И протянул учительнице ракушку, с отколотым краем и поблекшую, но, несомненно, розовую. Девушка присела, принимая подарок.

— Спасибо большое. Как раз такую я и хотела.

Дженни ужасно себя чувствовала из-за того, что уходит и бросает Уолли в этом месте... Когда она оглянулась, мальчик махал ей вслед.

III

Исчезнувшие бородавки Уолли Трехерна тем вечером были главной темой обсуждения в отдельном пивном зале паба. Погода стояла чудес-

ная, в восемь наступил отлив, и компанию за-
всегдаево-островитян пополнили клиенты из
деревни: доктор Мэйн из местного санатория,
преподобный Эдриан Карстерс, любивший про-
демонстрировать при случае, что ничто челове-
ское ему не чуждо, и никому не известный вы-
сокий бледный молодой человек, который сидел
словно на иголках. Компанию ему составлял Па-
трик Феррир, пасынок владельца заведения, при-
ехавший из Оксфорда на каникулы, — обаятель-
ный юноша с чувственным ртом, приятными ма-
нерами и острым взглядом, который то и дело
останавливался на Дженни Уильямс. Кроме по-
следней в зале находилась еще только одна жен-
щина — мисс Элспет Кост, тоже постоянщица
паба. Ее отличали бесформенная пушистая при-
ческа и неуверенная улыбка. Мисс Кост держала
магазин, любила рукоделие и мелодраматические
сюжеты.

Владелец паба, майор Кит Бэрримор, зани-
мал стратегическую позицию между двумя стой-
ками — для общего зала, где собирались исклю-
чительно местные рыбаки, и для отдельного. Ру-
мяный громогласный здоровяк, в полной мере
наделенный профессиональным дружелюбием,
он как нельзя лучше смотрелся на фоне начищен-
ной до блеска конской сбруи, бутылок, стаканов,
оловянных кружек и газетных вырезок со спор-
тивными репортажами. Клетчатый пиджак, жел-
тый жилет, кольцо с печаткой и прилизанные во-
лосы завершали его портрет.

— Как ни посмотрите, — заявила мисс Кост, — а событие совершенно поразительное. Бедный мальчик! Подумать только!

— Весьма драматичный поворот, — согласился Патрик Феррир, улыбаясь Дженни.

— Еще бы, — подтвердила та. — Раз — и все.

— Ну, о таком постоянно болтают, — заметил беспокойный молодой человек. — Цыганки, чары и прочее.

— Слухи — одно, — возразила Дженни, — а вот увидеть собственными глазами — совсем другое. Но кто была эта «зеленая дама», хотела бы я знать!..

Повисла короткая пауза.

— Да-да, — подхватила мисс Кост. — Она самое удивительное во всем рассказе! «Зеленая дама»! Мм? — слегка склонив голову набок, она выжидающе взглянула на священника.

— Наш бедный Уолли! — откликнулся мистер Карстерс. — Полагаю, все это сказочка от начала до конца. Прискорбно, весьма прискорбно.

— Но он и в самом деле исцелился, — напомнила Дженни.

— Да, да, конечно, — поспешно откликнулся священник.

— Сказочка? По-вашему, стал быть, в ентих краях еще водятся феи, преподобный? — поинтересовалась мисс Кост, неуклюже имитируя местный говорок.

Всем стало неловко.

— Как по мне, бедный мальчуган навоображал себе всякого, — заметил майор Бэрримор. — Хотя выдумка неплоха, надо отдать ему должное.

— А что по этому поводу говорит медицина? — поинтересовался Патрик, обращаясь к доктору Мэйну.

— Не спрашивайте! — откликнулся тот, воздев вверх ухоженные руки. — Насколько я знаю, медицине здесь сказать нечего.

Видя, что такой ответ не удовлетворил аудиторию, он добавил с некоторым нетерпением:

— Такие случаи, конечно, известны, хорошо известны. Я слышал даже, что один из признанных специалистов в лечении кожных болезней выучил некое заклинание, магическую формулу или что-то вроде и успешно использует на своих пациентах.

— Вот видите?! — воскликнула мисс Кост, слегка хлопнув в ладоши и принимая таинственный вид. — Постойте — то ли еще будет, говорю вам!

Доктор Мэйн бросил на нее неприязненный взгляд.

— Причина появления бородавок пока не установлена. Предположительно, вирусная инфекция. Мальчик, кстати, склонен к эпилептическим припадкам в легкой форме, — добавил он.

— Это делает его восприимчивым к такого рода исцелениям? — полюбопытствовал Патрик.

— Возможно, — коротко кивнул доктор. — Эпилептики более внушаемы. — И, не глядя на священника, добавил: — В так называемых чудесных исцелениях, описанных в литературе, есть кое-что общее. Все подтвержденные случаи основаны на эмоциональном, нервном воздействии.